

Москвой, зимой 1942 в составе лыжного отряда воевал в Смоленской обл., где был ранен; позднее работал литсотрудником военной газ. Первые стихи Г. опубликовал в армейской печати в 1941. В последующие годы вышли его книги **«Однополчане»** (1944), **«Стихи и баллады»** (1945), **«После марша»** (1947), **«Закарпатские стихи»** (1948), **«Битва»** (1948), **«Дальний гарнизон. Поэма»** (1953), **«Новые края»** (1953).

Наиболее значительными в творчестве Г. являются его фронтовые стихи и баллады. В стих. **«Перед атакой»** поэт выразительно и правдиво рассказал о психологическом состоянии солдата перед боем: «Когда на смерть идут,— поют, / А перед этим можно плакать. / Ведь самый страшный час в бою — / Час ожидания атаки... Мне кажется, что я магнит, / Что я притягиваю мины. / Разрыв — и лейтенант хрипит. / И смерть опять проходит мимо. / Но мы уже не в силах ждать. / И нас ведет через траншеи / Окоченевшая вражда, / Штыком дырявящая шеи. / Бой был короткий. А потом / Глушили водку ледяную / И выковыривал ножом / Из-под ногтей я кровь чужую».

Среди баллад Г. выделяются своей психологической проникновенностью и достоверностью **«Баллада о дружбе»** (1942–43) и **«На снегу белизны госпитальной...»** (1945). Фронтовая дружба проверяется трагедийным, но добровольным выбором: кому из друзей идти на боевое задание, с которого трудно вернуться живым: «Не зря мы дружбу берегли, / Как пехотинцы берегут / Метр окровавленной земли, / Когда его в боях берут». В балладе «На снегу белизны госпитальной...» Г. рассказал о самоотверженности военного врача, который, спасая других, погибает сам: «...Одного человека не спас военврач — / Он лежит на снегу белизны госпитальной». Лирическую проникновенность балладе придает обращение поэта к девушке с просьбой не плакать о своем ненаглядном и милом, хотя поэт и чувствует, что о таком самоотверженном человеке, как погибший военврач, не плакать нельзя.

В стих. «Мы не от старости умрем,— / От старых ран умрем мы» Г. не только предсказал свою раннюю смерть, но и сказал, от чего будут умирать др. фронтовики. Характерен для многих, вернувшихся с войны, и вопрос, который волнует героя стих.: «Он хочет знать, что было здесь, / Когда мы были там...» Этот вопрос солдата мог быть обращен как к женщине, так и к обществу. Судьба, к сожалению, не отпустила Г. времени, чтобы он смог искать ответ на этот вопрос.

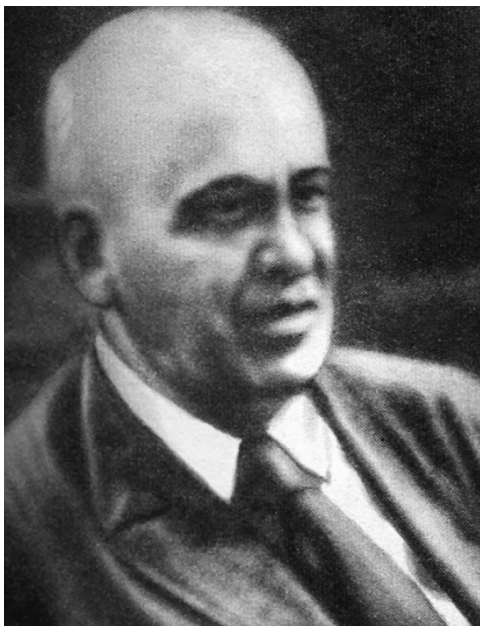
Соч.: Избранное: стихи и поэмы / вступ. статья Е. Долматовского. М., 1957; Армейские записные книжки. М., 1962; Завещание мужества: стихи. Главы из поэмы «Дальний гарнизон». Из записных книжек. Воспоминания друзей / вступ. статья Е. Долматовского; сост. О. Гудзенко. М., 1971; Стихотворения / предисл. С. Ярославцевой. М., 1985.

Лит.: Эренбург И. Стихи солдата // Знамя. 1944. № 5–6; Громов П. С. С. Гудзенко. Однополчане // Звезда. 1944. № 7–8; Антокольский П. Семен Гудзенко // Антокольский П. Поэты и время. М., 1957; Луконин М. Семен Гудзенко // Луконин М. Товарищ поэзия. М., 1963; Пьяных М. Ф. Лирические баллады С. Гудзенко военных лет // Науч. доклады литературоведов Поволжья. Астрахань, 1967; Коган А. Судьба как стихи: Семен Гудзенко // Коган А. Стихи и судьба: Фронтовая тема в советской поэзии. М., 1977; Ваншенкин К. Семен Гудзенко // Ваншенкин К. Лица и голоса. М., 1978.

М. Ф. Пьяных

ГУЛЬ Роман Борисович [1(13).8.1896, Киев — 30.6.1986, Нью-Йорк] — прозаик, мемуарист, критик, киносценарист, издатель.

Родился в семье юриста, богатого помещика и домовладельца. По отцу — потомок обрусевших шведов (дед писателя К. И. Гуль был незаконнорожденным сыном князя И. И. Вреде и Каролины Гуль); по матери — из старинного рода Вышеславцевых, выдвинувшихся при Иване III. Детство и отрочество провел в Пензе и имени отца, которого рано

Р. Б. Гуль

лишился. После окончания 1-й пензенской гимназии (1914) поступил на юридический ф-т Московского ун-та, где, не проявив особого интереса к юриспруденции, увлекся философией, посещал семинар И. А. Ильина. Летом 1916, с 3-го курса, был мобилизован и направлен в школу прапорщиков. Февральскую революцию встретил офицером в запасном полку, расквартированном в Пензе. Политически сочувствовал конституционно-демократической партии Народной свободы, в которой когда-то состоял его отец. «Я никогда не был „записным монархистом“. У нас в семье дух демократизма и реформизма» (**Я унес Россию. Апология эмиграции.** Нью-Йорк, 1984. Т. II. С. 301). Весной 1917 Г. был направлен на Юго-Западный фронт, где командовал ротой, исполнял обязанности адъютанта командира полка.

После Октябрьского переворота вернулся в Пензу, став свидетелем ужасающих бесчинств уличной толпы, из «недр» которой «вырвалась ранее невидимая и неизвестная страсть всеразрушения, всеистребления и дикой ненависти к закону, порядку, праву, покою, обычаю» (Там же. Т. I. С. 21). Стихийная ненависть народа к монархии потрясла Г.: «В этом всенародном нигилизме и анархизме я почувствовал всегосударственную опасность» (Там же. Т. 2. С. 301). Ратуя за установление в России демократической конституции и социальные преобразования, Г. вместе с братом вступил в Добровольческую армию, лозунгом которой был созыв Всероссийского Учредительного собрания. В составе Корниловского офицерского ударного полка Г. участвовал в Ледяном походе по донским и кубанским степям, был ранен. Осенью 1919 он покинул ряды Добровольческой армии, разочаровавшись в успехе Белого движения, и уехал в Киев к родственникам. По приезде был мобилизован гетманом Скоропадским на защиту города от войск Петлюры. В захваченном петлюровцами Киеве попал в плен. В янв. 1919, в связи с явной угрозой вторжения Красной Армии, был вывезен в числе мн. сотен пленных офицеров в Германию, где жил в лагере для перемещенных лиц, работал на лесоповале. В свободное от работы время написал свою первую книгу **«Ледяной поход (С Корниловым)»**. Непосредственным толчком к ее созданию послужили военные рассказы В. М. Гаршина, показавшиеся Г. «детским чтением» в сравнении с тем, что он видел и пережил во время похода: «...Я, молодой человек двадцати двух годов, был так потрясен зверством гражданской бойни, что почувствовал потребность

рассказать о ней правду <...>, чтобы люди увидели нелепость, глупость и зверство того, что называется словами „гражданская война“» (**Моя биография** // Новый ж. 1986. № 164. С. 18).

Весной 1920 он отправил одну из глав книги в ж. «Жизнь», редактируемый В. Б. Станкевичем. Помимо одобрительного отзыва о рукописи Г. получил от Станкевича приглашение войти в состав редакции журнала и переехал в Берлин. Там он сблизился с образовавшейся вокруг «Жизни» группой демократов-антикоммунистов «Мир и труд», стоявших на позиции «внутреннего замирения России после Гражданской войны» (Я унес Россию. Т. I. С. 48). В 1921 «Ледяной поход», три главы которого были опубликованы в «Жизни», вышел отдельной книгой в изд-ве С. Ефрона (в том же году переиздан в Советской России) и получил одобрение А. Белого, М. Горького и др. видных литераторов. «Книга там (в Советской России.— Ред.) имеет успех,— говорил Ю. И. Айхенвальд,— но они (большевики.— Ред.) ее тупо расценивают, какое-то разоблачение белого террора, по сути же она против гражданской войны вообще, а это вода вовсе не на их мельницу» (Я унес Россию. Т. I. С. 67).

В Берлине Г. попытался продолжить свое образование, вступил в Русский студенческий союз, но вскоре вышел из него, решив всецело посвятить себя лит-ре. В 1921 он устроился секретарем редакции ж. «Новая русская книга», писал лит.-критические статьи, рецензии, сотрудничая одновременно в др. изданиях — во «Времени», «Русском эмигранте», «Голосе России», «Последних новостях». В 1923 Г. выпустил книгу **«Пол в творчестве (Разбор произведений А. Белого)»**. В «сменовеховской» газ. «Накануне» (1923–24), после ухода А. Н. Толстого, редактировал воскресное приложение, в котором печатались тогда мн. советские писатели (Б. Пильняк, К. Федин, В. Катаев, О. Мандельштам, М. Булгаков, Н. Никитин и др.). Со мн. из них, особенно с К. Фединым, Г. близко сошелся. Одержимый в ту пору «сменовеховскими» настроениями, Г. «верил, что нэп вынудит большевиков к отступлению и страна перейдет к правовой нормальной государственности» (Я унес Россию. Т. 2. С. 172). В конце 1920-х он снова занял антибольшевистские позиции, не отступая от них до конца своих дней.

В самом начале творческой деятельности Г. увлекли две темы, разрабатывая которые он опирался на личный опыт участника событий,— Гражданская война («Ледяной поход»)

и жизнь русской эмиграции («**В рассеянии сущие**», 1923; «**Жизнь на Фукса**», 1927; «**Белые по Черному**», 1928; две последние изданы в Советской России при содействии К. Федина и И. Груздева). Эти мемуарно-биографические книги явились подступом к главной и всеобъемлющей теме творчества Г.— историко-революционной. Писателя интересовала история русской революции в биографиях отдельных ее представителей. Известность Г. на этом поприще принес исторический роман «**Генерал БО**» (1929) — в последующих изд. «**Азеф**» — о провокаторе Азефе и его друге — известном революционере-террористе Б. В. Савинкове. Книга создавалась под непосредственным впечатлением от потрясшей всю эмиграцию поимки Савинкова в 1924; Г. воскрешал «острый когда-то спор о терроре, о его политической целесообразности и морально-этической природе». Роман «**Азеф**» обратил на себя внимание типом героя — «чудовища-провокатора, не встречавшегося в анналах западных революций» (Ульянов Н. Роман Гуль, Виктор Тривас. «...Товарищ Иван» // Новый ж. 1969. № 95. С. 293). Кристиан Мегрэ назвал книгу Г. «пророческой», полагая, что «русский терроризм 1900-х годов — это начало пути к тем „Десяти дням, которые потрясли мир“ и после которых мир уже никогда не пришел в себя» (Мегрэ К. Предшественники Мальро — Камю // Гуль Р. Азеф: Исторический роман. М., 1991. С. 6). В 1937 в русском театре Парижа была поставлена созданная Г. на основе романа пьеса «**Азеф**».

В жанре жизнеописания («романизированной биографии») написана и другая книга Г.— роман «**Скиф**» (1931), в центре которого фигуры анархиста М. А. Бакунина и императора Николая I, показанные на фоне событий французской революции 1848–49. Во 2-й редакции роман вышел под названием «**Скиф в Европе**» (1958), с посвящением участникам венгерского восстания 1956; в 3-й редакции — «**Бакунин: Историческая хроника**» (1974).

В начале 1930-х Г., опираясь на материалы уникального архива Б. И. Николаевского по истории русского революционного движения (ныне хранится в Гуверовском ин-те, США), создает серию политических портретов видных советских военачальников («**Тухачевский: „Красный маршал“**», 1932; «**Красные маршалы: Ворошилов, Буденный, Блюхер, Котовский**», 1933), сделавших в годы Гражданской войны головокружительную карьеру. Г. попытался проанализировать причины, способствовавшие

выдвижению этих деятелей на высшие командные посты в Рабоче-Крестьянской Красной Армии. В 1931 Г. приступил к работе над новой книгой из задуманной серии — над биографиями вождей красного террора (Дзержинский, Менжинский, Лацис, Петерс, Ягода, Ежов), «решив дать историю коммунистического террора, начиная с 1918 года» («**Моя биография**». С. 27).

После захвата власти в Германии национал-социалистами Г. неожиданно был арестован и заключен в концентрационный лагерь «Ораниенбург». 21-дневное пребывание в нем он описал в книге «**Ораниенбург: Что я видел в гитлеровском концентрационном лагере**» (1937). Освободившись из лагеря, Г. в начале сент. 1933 эмигрировал во Францию и поселился в Париже. Здесь он продолжал свою лит. деятельность, сотрудничая в газ. «Последние новости», в которой, еще живя в Германии, опубликовал серию статей под названием «**Прыжок в Европу**» (1932). Печатался в антикоммунистических ж. «Совр. записки», «Иллюстр. Россия» и др. Писал киносценарии. В 1933 вступил в Союз русских писателей и журналистов Франции, в 1935 — в русскую масонскую ложу «Свободная Россия» — политическое объединение антикоммунистов. В 1936 Г. опубликовал книгу «**Дзержинский (Менжинский, Петерс, Лацис, Ягода)**». В этом же году был приглашен в качестве консультанта на съемки фильма о русской революции «**Рыцарь без доспехов**» (реж. Ж. Федер, в главной роли — М. Дитрих) и уехал на полгода в Лондон. Вернувшись во Францию, он на гонорар от фильма купил для брата и его семьи небольшую ферму на юге Франции, куда был вынужден перебраться с женой в начале Второй мировой войны. Работал на ферме крестьянином-испольщиком, рабочим на стеклянной фабрике в городке Виан, неподалеку от фермы. В 1945 Г. вернулся в Париж, вступил в русскую масонскую ложу «Юпитер» («Великая ложа Франции»), откуда вскоре вышел по идейным соображениям (мн. ее члены занимали просоветские позиции).

В 1946 Г. закончил свою новую книгу — автобиографию в худож. форме «**Конь рыжий**»; название ее — известный образ Апокалипсиса (Откр. 6:4), связанный с главным мотивом книги — мотивом бессмысленной братоубийственной войны. «Это, — по мысли Г. Иванова, — история жизни автора, сплетенная с историей роковых минут» (Иванов Г. Третий Рим: Худож. проза. Статьи. Эмигрант, 1987. С. 320). В 1946–47 книга печаталась в «Новом ж.», в 1952 вышла отдельным изд.

И. А. Бунин писал Г.: «Все еще вспоминаю порой Ваш роман — сколько в нем совершенно прекрасных страниц». В то же время Бунин упрекнул Г. «за вздохи по братоубийственной войне»: «Что же, надо покорно подставлять голову Каину? Я вздыхаю о другом — о том, что Авель не захотел или не успел проломить ему башку булыжником...» (Конь рыжий. Нью-Йорк, 1952. С. 5).

В 1948 Г. создал демократическую группу «Российское движение», призванную помогать соотечественникам, оказавшимся после Второй мировой войны в эмиграции, начал издавать ж. «Народная правда». В 1950 он переезжает на постоянное место жительства в США, где продолжает издавать ж. «Народная правда». С 1959 — Г. член редакции, а с 1966 — главный ред. «Нового ж.», одновременно — главный ред. нью-йоркского отдела радиостанции «Свобода». В «Новом ж.» Г. напечатал множество своих статей и рецензий о совр. русской лит-ре. Самые значительные из них составили два лит.-критических сб.: «**Одвуконь: Советская и эмигрантская лит-ра**» (1973) и «**Одвуконь-2**» (1982).

В 1968 Г. (совм. с В. Тривасом) написал пьесу «**Товарищ Иван**», которая «в развенчании террористического периода русской революции <...> идет дальше всего, что было в литературе до сих пор» (Ульянов Н.— С. 295).

В 1978 Г. начал публиковать в «Новом ж.» свой 3-томный труд «Я унес Россию: Апология эмиграции». Вскоре она вышла отдельным изданием в нью-йоркском изд-ве «Мост» (Т. 1. «**Россия в Германии**», 1981; Т. 2. «**Россия во Франции**», 1984; Т. 3. «**Россия в Америке**», 1989). Книга выходит за рамки мемуарного жанра и представляет собой своеобразную документально-худож. летопись культурной и общественно-политической жизни русской эмиграции Европы и Америки, написанную с той целью, чтобы служить «неким справочником по истории зарубежной России» (Я унес Россию. Т. 1. С. 114).

Через все творчество Г. проходит сквозной, объединяющий его книги мотив — «мотив развенчания революции». Едва ли не в каждом произведении писателя «показываются ее какие-нибудь отталкивающие стороны» (Ульянов Н.— С. 294). Творческая индивидуальность Г.-прозаика наиболее ярко проявилась в документально-исторических жанрах. «В Гуле всегда боролись,— писал Б. Филиппов (Филистинский),— временами отесняя друг друга, сухой поневоле (разве охватить все факты!) документалист-историограф и художник, сочно и ярко рисовавший

людей, встреченных на жизненном пути» (Филиппов Б.— С. 9).

Прожив на чужбине почти всю свою сознательную жизнь, Г. никогда не терял духовной связи с Россией, оставаясь до конца дней русским патриотом, в то же время он сохранял верность своему гражданскому кредо: «...в моей скитальческой жизни я всегда чувствовал облегчающее душу удовлетворение, что живу именно вне России. Почему? Да потому, что родина без свободы для меня не родина, а свобода без родины хоть и очень тяжела, но все-таки остается свободой» (Конь рыжий. С. 262).

Соч.: Отрочество // Новый ж. 1986. № 164. С. 33–43; Красные маршалы: Тухачевский, Ворошилов, Блюхер, Котовский. М., 1990; Дзержинский / предисл. и публ. И. Виноградова // Москва. 1991. № 5. С. 22–65; Азеф: исторический роман. М., 1991; Дзержинский. Начало террора. М., 1991; Ледяной поход: сб. произведений / предисл. П. Горелова. М., 1992; Победа Пастернака // Русское лит. зарубежье. 1993. Вып. 2. С. 125–142; Письма писателям-эмигрантам / публ. В. Крейда // Новый ж. Нью-Йорк. 1995. Кн. 200. С. 278–295; Просьба о предисловии [Из писем М. Горькому / комм. Н. Примочкиной. 1923–1925] // Независимая газ. 1998. 27 марта; Я унес Россию: Апология эмиграции: в 3 т. М., 2001.

Лит.: Андреев Н. О самом важном // Новый ж. 1973. № 111. С. 84–93; Филиппов Б. Памяти Р. Б. Гуля // Новый ж. 1986. № 164. С. 9–11; Неопубликованные письма М. Цветаевой к Р. Гулю // Новый ж. 1986. № 165. С. 275–290; Костиков В. В. Не будем проклинать изгнание... М., 1990. С. 84–86; Ржевский Л. К вершинам творческого слова. Норвич, 1990. С. 247–252; Глэд Д. Беседы в изгнании // Русское лит. зарубежье. 1991. Вып. 1. С. 39–49; Померанцева Е. С. «Россия... в памяти души и сердца» // Русское лит. зарубежье. 1993. Вып. 2. С. 108–124; Письма К. А. Федина [1925–31] // Только одна человеческая жизнь: Фединские чтения. Саратов, 1993. Вып. 3. С. 117–135; Головенченко С. А. Роман Гуль: [К биографии русского писателя-эмигранта (1896–1986)] // Лит-ра в школе. 1998. № 8. С. 56–61; Литвинов В. Откровения от Гуля // Лит. обозрение. М. 1992. № 7–9. С. 73–76; Коростелев О. А. Роман Гуль. Глазами современников // Гуль Р. Б. Я унес Россию: Апология эмиграции: в 3 т. М., 2001. С. 5–27.

В. Н. Запелалов

ГУМИЛЁВ Николай Степанович [3(15).4.1886, Кронштадт — 25.8.1921, Петроград; место расстрела и захоронения приблизительно около станции Бернгардовка, под Петербургом] — поэт, прозаик, драматург, критик.

Отец, Степан Яковлевич, служил корабельным врачом, был в кругосветных плава-